

the strategy of transfiguration of chaos into harmony. The purpose of this paper is the articulation of the theoretical legacy of Friedrich Schlegel, his philosophical ideas about the strategy of interaction with the chaos, and their ordering. Schlegel sees chaos as a productive start. For him - this is the substrate, lush and abundant energy material which are necessary for creation of harmony. L. Johnson is justified states: "Schlegel argued that the chaos preceded order". According to Schlegel, the chaos is not something destructive. Rampage of the manifestations of chaos by human efforts will lead to harmony. Revealing aspect of the strategy of interaction with the chaos that is offered by Schlegel, is the fact that, in his opinion, to transform chaos into harmony capable of not only human actions in the area of the irrational (eg, religion, mystical philosophy), but actions based on human reason. The fact that Schlegel speaks of the presence of chaos in the world, does not mean that chaos Schlegel said the only possible or desired state of the universe. Schlegel said the chaotic state of the various spheres of being an important component of the implementation process of the world, but that the importance of the philosopher sees first of all that chaos evolves in harmony. Chaos is important because it is based on the possible creation of harmony.

Friedrich Schlegel offers a philosophical transformation strategy of chaos. In his view, the transformation of chaos as possible by means of rational human activity, and as a result of irrational human manifestations.

Schlegel does not offer us strive to eliminate the chaos of human life. According to him, the chaos - a necessary substrate for the creation of harmony, and as chaos has a certain value. So, the further study of the philosophical strategies for engaging with the chaos, in particular, the study of evolution of the idea of the transformation of chaos, is productive.

Keywords: chaos, Romanticism, history of Philosophy, harmony

Надійшла до редколегії 17.02.2013 р.

УДК 316.733

С. В. Лєгеза

Днепрпетровский национальный университет имени Олеса Гончара

«СВОЙ» СРЕДИ «ЧУЖИХ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ ИНАКОВОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ФОРМУЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рассмотрены проблемы функционирования массовой культуры. Рассмотрены особенности конструирования в массовой культуре идеологических концепций. В частности, представлены данные об изменении актуальных систем кодов и сюжетных и идеологических паттернов в жанровой литературе.

Ключевые слова: формульная культура, структуры повтора, паттерны, идеологии.

Формульная культура опирается на клише: это одна из ее фундаментальных особенностей. По сути, типологически она может быть сблизена с функционированием систем социальной коммуникации. Упрощая, это последнее можно было бы описать следующим образом: 1) потребность получить общий набор значений интерпретации реальности наименее затратным образом => 2) повторяющиеся ситуации закрепляют стандартизированные реакции => 3) стандартизированные реакции закрепляют стандартизированные описания подобных ситуаций => 4) на уровне стандартизированных описаний формируется «язык, который мы понимаем», в том числе и уровень фоновых знаний. В этом случае, всякий текст (в расширительном смысле этого понятия) выступает манифестацией набора культурных кодов, зависящих от актуальной социокультурной ситуации.

Формульную культуру часто рассматривают как появляющийся в первой трети XIX в. механизм компенсации и преодоления разрушающихся традиционных ценностных систем мировоззрения. Согласно этой концепции, «новые горожане» промышленного города опознают, например, в романе-фельетоне – с его броскими формами и упрощенными и четкими моральными дилеммами – своеобразную программу легитимного поведения в непривычном для них социальном пространстве [8]. Одновременно, технический прогресс и развитие книгопечатания превращают печатный текст в максимально доступную форму информационного воздействия (позже наступает время и других форм массовизированной культуры, таких как кинематограф и пр.). Связь между формированием новой мировоззренческой системы и бытованием формульной культуры предполагается не прямой, а носящей довольно сложный, многоступенчатый характер (определенным

примером здесь могла бы стать, скажем, история развития комиксов от максимально примитивизированных историй до формата «графического романа» в последней трети XX века на Западе и манги – на Востоке, и их влияния на социальное поведение потребителей [5, с. 78–80]).

Одновременно, можно говорить не только о том, что культура создает набор ориентированных на усвоение коллективным опытом структур повтора, принимающих вид моделей–«штампов», но и о специфическом обратном влиянии. Иначе говоря, система культурных ожиданий, вызываемая социальными изменениями, не только зависит от воздействия со стороны культурных артефактов, но и активным образом интегрирует актуальные для потребителя «штампы» (внешние относительно культуры) в сферу культурного производства, меняет/уточняет самое ее «парадигму» (в том смысле этого понятия, которое вводится Т. Куном). Циклы развития формульной культуры и вообще небезынтересно описывать как смену этапа «решения головоломок» (насыщения рынка однотипным продуктом, выстраивающимся вокруг определенной сюжетной схемы – будь то «вампиры», «крутой детектив» или «история в духе Гарри Поттера») своеобразными «революциями» – переструктурированием сюжетов и шаблонов. В последнем случае, речь могла бы идти о реструктуризации системы, производящей знание (или – в нашем случае – культурный продукт) вокруг «аномалий» предыдущего этапа.

Социальные и культурные потрясения как правило вызывают изменения не только в социальных реакциях и механизмах, но и в сугубо утилитарной формульной культуре: достаточно вспомнить расцвет «бандитского романа» на постсоветском пространстве середины 90-х или специфическую «сакрализацию» органов государственной безопасности в российском теле- и кинематографе последнего десятилетия.

Здесь интерес представляют даже не резкие «смены парадигм», переходы в системах устойчивых клише, конструирующих реальности «повседневные» и «метафизические» (со всей условностью обоих названий), но своего рода «слабые токи», позволяющие говорить не столько о «революции» в жанровом пространстве, сколько о «коэволюции» жанров и порождающих их факторов.

Здесь необходимо заметить: клишированность формульной культуры активным образом связана для потребителя с необходимостью обладать набором «фоновых знаний», системой более-менее четких ожиданий и пред-знаний относительно правил игры в жанрах. Любитель детектива обязан представлять себе общие границы жанра (знания о «преступлении», о фигурах «сыщика» и «преступника», о легитимных способах получения информации). Читатель фантастики с необходимостью владеет «пред-словарем», фоновой терминосистемой, позволяющей ему не отвлекаться на расшифровку специфической терминологии («бластер», «космический корабль», «звездолет» и т. д.).

И здесь появляется возможность корректировать содержание образчиков формульной культуры, слабо затрагивая их внешние атрибуты и форму.

Отметим важность точки пересечения двух тем в разборах фантастики как формульной литературы. Во-первых, едва ли не изначально одной из доминирующих идей фантастики стала встреча с чужим/чуждым и выработка мировоззрения «пограничного», учитывающего реальность инаковости. За полтора столетия формального существования жанра, здесь кристаллизовались самые разнообразные варианты взаимодействия с «чужим»: от оголтелой ксенофобии на пике «холодной войны» до максимальной толерантности (в творчестве, например, У. Ле Гуин). Во-вторых, фантастика с середины XX века все чаще воспринимается не как область специфической прогностики, но как способ «бегства от реальности», форма ретритизма в современной цивилизации.

Мы уже отмечали проявление такого рода тенденций в пространстве постсоветской формульной культуры (сводимых обычно к трем сферам: функционированию сообщества «ролевиков», развитию сектора компьютерных игр и, собственно, к литературе [4]).

Именно в последнем случае можно отметить ряд характерных для русскоязычного

пространства формульной культуры особенностей работы с материалом – и важные изменения, здесь происходящие.

Еще недавно одним из доминирующих смысловых и сюжетных паттернов, усиленно эксплуатируемых российскими издательствами, была формула литературного произведения, которую – с некоторой условностью – можно было бы выразить как «наш человек в чужом мире». Мы рассматривали подобного рода устойчивые сюжеты в развлекательной литературе как выражение своеобразной «апологии маленького человека», лишеного всяческих оснований для ощущения собственной значимости на уровне реальной повседневности [4]. Освоив же данный формат (перенос рациональных ценностей в иррациональное пространство и повышение – в читательском сознании – значимости повседневных знаний «обычного человека»), фантастика совершила в последние годы значимый поворот.

Первоначально разрыв между нашим современником (наделенным – всегда – легко опознаваемыми чертами «обычного человека») и реальностью, в которую он попадает, максимален: как правило, книги данного направления относились к жанру фэнтези, своеобразным «мирам объективного идеализма». Одновременно, культурный опыт позволяет героям занять достойное место в новой системе координат и совершить персональный рывок по социальной лестнице (где повседневные знания из нашего «здесь-и-сейчас» становятся своего рода скоростным социальным лифтом, отменяющим любые возможные барьеры персонального роста). Одновременно, образ взаимодействия с «чужим» оставался здесь совершенно культуртрегерским: «инаковость» здесь – не более чем один из модулов «своего».

В последние же два-три года сформировалась – не пересматривая некоторые базовые сюжетные схемы и структуры – новая линия данного тренда, которая играет компенсаторную роль уже не относительно судьбы отдельного индивида, предоставляя тому позитивные перспективы его бытия «здесь-и-теперь», но относительно судьбы больших социальных сообществ (как правило, речь идет о судьбе страны в целом).

Подобное направление получило жаргонное определение «романы о попаданцах» (от «попасть» – в смысле внезапной смены актуального темпорального и пространственного положения субъекта). И, главное, меняется конечная точка перемещения героя произведения: теперь это значимый фрагмент прошлого России или сопредельных государств. По понятным причинам, львиная доля сюжетов встраивается в события Второй мировой войны. Задачей героя в этом случае (и ценностной перспективой для потребителя данного рода литературы) становится сохранение максимально боеспособного и не растратившего максимум сил в первые дни войны Советского Союза.

На деле же, данный тренд быстро вышел далеко за пределы первоначального круга сюжетов: речь здесь все чаще идет не о попытке спасти миллионы жизней, но о компенсаторном желании «спасти Великую Державу». Герои, в результате, оказываются разбросанными по всей оси российской истории (концентрируясь, правда, на последних четырех-пяти веках ее, на эпохах Московского царства – Российской империи – Советского Союза: т. е. государственных образований, с которыми на текущий момент активно связывают идеологему «Русской Славы»). Переиграть историю в этом случае – означает обеспечить подавляющее превосходство не себе персонально, но государственности (что характерно – снова смешиваемой до полной неразрывности с понятием «народ»).

Одновременно, характернейшим образом меняется и проблема «чужого»: теперь взаимоотношения героя с пространством/временем/культурой, в которые он попадает, выстраиваются не как противопоставления «нашего современника» и «дикого окружения», но как «своего/русского» и «чужого/иноверного/инокультурного» – вплоть до актуализации идеологических концепций «внешних врагов», «вредительства» и инспирирования диссидентства внешними силами. «Чужой» здесь – категория уже не культурная, но политическая (а порой – и национальная, поскольку педалирование негативных этнических/национальных стереотипов встречается здесь сплошь и рядом).

Причем, должно обратить внимание, что это лишь отчасти процесс, идущий, с позволения сказать, «сверху вниз»: речь вовсе не идет о своеобразном госзаказе на такого рода произведения. Книги эти пользуются устойчивым читательским спросом (если судить по тиражам и степени наполненности данного сектора), а среди авторов их – представители самых разных географических и национальных регионов (в том числе и россияне, живущие за рубежом, и граждане Украины, Белоруссии, стран Прибалтики и т. д.). Здесь, видимо, должно говорить о специфической потребности пересмотра актуальных стереотипов, продуцируемых жанровой литературой – но опирающиеся на сформированные ранее условности направлений и субжанров).

Таким образом, можно говорить об изменении формульной культуры как о довольно сложном процессе: жанровое пространство достаточно пластично, чтобы, не меняя общие правила игры (производство моделей-«штампов»), удачно играть с пластичным пространством «идеологий» и фоновых знаний читателя, играя на ожиданиях последнего.

Библиографические ссылки

1. Клугер Д. Баскервильская мистерия: история классического детектива / Д. Клугер – М. : Тест. – 192 с.
2. Кун Т. Структура научных революций. / Т. Кун – М. : АСТ, 2003. – 605 с.
3. Ланцов М. Механический волшебник. / М. Ланцов – М. : Центрполиграф, 2012. – 348 с.
4. Легеца С. В. «Когда воротимся мы в Портленд...»: эскапизм и социальность в массовой культуре / С. В. Легеца // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества. – Харьков, 2005
5. Манга и философия. Цельнометаллический метафизик – М. : Эксмо, 2011. – 448 с.
6. Суэнвик М. Постмодернизм в фантастике: руководство пользователя / М. Суэнвик // М. Суэнвик. Вакуумные цветы. – М. : АСТ, 1997. – С. 433–472.
7. Шкенеv С. Штрафбат Его Императорского Величества. «Попаданец» на престоле. / С. Шкенеv – М. : Яуза, 2012. – 352 с.
8. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. / У. Эко – М. : Симпозиум, 2005. – 512 с.
9. Orbitowski L. Widma. / L. Orbitowski – Warszawa: WL, 2012. – 620 p.
10. Parowski M. Burza. Ucieczka z Warszawy `40. / Parowski M. Burza. – Warszawa: Narodowe Centrum Kulture, 2009. – 544 p.

Легеца С. В. «Свій» серед «чужих»: конструювання інакшості у російськомовній формульній літературі.

Розглянуті проблеми функціонування масової культури. Розглянуті особливості конструювання в масовій культурі ідеологічних концепцій. Зокрема, представлені дані про зміну актуальних систем кодів і сюжетних та ідеологічних паттернів в жанровій літературі.

Ключові слова: формульна культура, структури повторювання, паттерни, ідеології.

Legeza S. «Own» among «strangers»: designing otherness in russian formularity literature.

The article by Legeza S. deals with the problems of mass culture functioning. The features of constructing in the mass culture of ideological conceptions are considered. A mass culture leans on a cliché: it is its fundamental feature. The text becomes manifestation of set of cultural codes. Codes depend on a cultural situation. Social changes and shocks conduce to the changes and in an utilitarian mass culture (for example, development of «criminal novel» in 90th of XX age). A mass culture supposes the presence of «base-line knowledges» for users, who beforehand mastered the rules of game. Besides, a mass culture actively works with a problem of «other». In particular, science fiction develops two themes actively. At first, problem of «stranger», maximal alien human reason (problem of contact). Secondly, it is possible to talk about the transition of fantasy from a futurology area to the themes of «escape from reality». The second problem already finds the embodiment (researches of sectors of computer games et cetera). The first problem, widely presented in a mass culture, still requires a comprehension. In addition, exactly here is usual subject: theme «our man in the stranger world». It begins as a) «escape from reality» and b) apology of «ordinary contemporary». It is possible to talk about a reaction on shock of transforming of society. However, today a turn happened in this theme. Previous appeared tradition forced out appearance of «spontaneous trip in time». Moving of hero takes place not in the fantastic world, but in the pas of Russian history. Both: the points of history, where heroes are, and their mutual relations that become a historical reality, are characterized here. It is possible here to talk about the scray desire of authors to «rescue Great Power». And all, who - objectively or subjectively - is the opponent of the side, which a protagonist plays for, declared «stranger». «Stranger» here - external

(countries-opponents) and internal (all, whoever divides ideology of hero and author). To play again history here - to provide superiority a not alone man, but to the state machine.

Keywords: Mass culture, structures of reiteration, patterns, ideologies.

Надійшла до редколегії 26.02.2013 р.

УДК 111.1

В. Б. Огороков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СУБЪЕКТ ИСТИНЫ И СОБЫТИЕ В НЕОСОФИЗМЕ А. БАДЬЮ

Исследуется формирование субъекта истины и его подключение к родовым каналам в неософистической антропологии А. Бадью.

Ключевые слова: субъект, истина, традиция, род, родовая процедура.

Встать над традицией, сформированным дискурсом с учетом того, что решать проблемы можно только на языке уже сложившейся (состоявшейся) традиции – задача современной культуры. Эта задача является трудновыполнимой, так как сложившийся дискурс сам по себе разрушителен. Инициированный Ф. Ницше, он насыщен нигилизмами, отрицаниями и разборками и дифференцирующим анализом. В контексте такой сформированной постмодерной культуры выявить хоть какие-то элементы устойчивости вовсе непросто. Один из тех, кто путем отказа от привычных стереотипов мышления сумел возродить искусство мыслить был французский постмодернист А. Бадью. И хотя его идеи формируют самую последнюю постмодерную (даже уже неопостмодерную) философию, т. е. его можно считать нашим современником, у него уже сложилось немало преемников и последователей. Среди них можно отметить Д. Бенсаида, С. Жижека, Ж. Рансьера, А. Тоскано, П. Холлварда, Н. Хьюлет и др.

А. Бадью не только вводит читателя в дискурс постмодерна, но и показывает путь его преодоления. Но для этого ему приходится строить необычную концепцию, сочетающую элементы античной философской традиции с современной математической теорией множеств. Поэтому его называли представителем платонизма множества. В своей концепции он показывает, что только на пересечении трех основных полей (конструктов философии) – субъекта, истины и события – возникает такое образование пространства мысли, как философия. Только на их пересечении могут разворачиваться родовые процедуры: матема (в математическом поле бытия мысли), поэма (в поэтическом), политика (в социальном) и любовь (диалог на языке любви), – которые вместе и иницируют формирование философии.

По мнению А. Бадью, прояснение сущности родовых процессов позволяет понять перспективы развития постмодерной философии и культуры.

Так как условием существования современной философии является творческие возможности субъекта при раскрытии общего потенциала родовых процедур, то А. Бадью обращается к основополагающим процессуальным событиям неклассической философии и культуры: метафизическим установкам века поэзии, реконструированным М. Хайдеггером в фундаментальную онтологию (философию поэтов); процедурам формализации теорий непрерывности и множественности в век математиков, переведенным философами XX в. (Ж. Лаканом, М. Фуко, Ж. Делезом и др.) на язык гуманитарных событий (философию множества); к техникам любви, раскрытым посредством диалогизма и структуралистских дискурсивных практик теории желаний (Ж. Лакана, М. Фуко, Р. Барт, Ж. Делеза и др.); и крупным политическим практикам XX в. (народному восстанию в Китае, повлиявшему на становление маоизма, и революционным событиями во Франции в мае 1968 г.).

А. Бадью утверждает, что в определенной ситуации субъект иницирует становление истины, ее расшифровывает и, в дальнейшем, остается верным данному событию истины.

Главное, что обнаруживается в позиции А. Бадью при построении теоретического знания, – это разрыв между бытием и событием. А так как любое событие